

А.В. Трофимов¹

Екатеринбург

ВЛИЯНИЕ МИРОВЫХ ВОЙН НА МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ГОРОДСКИХ ЖИТЕЛЕЙ УРАЛА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ²

Компаративистское изучение различных аспектов истории советского общества в первые послевоенные годы является актуальной историографической проблемой. В статье выявляются общие и специфические проявления эталонных, адаптационных, девиантных моделей поведения населения уральских городов, существовавшие после окончания Первой и Второй мировых войн.

Ключевые слова: Первая и Вторая мировые войны, СССР, советское общество, региональный ракурс, модели поведения населения уральских городов.

A.V. Trofimov

Yekaterinburg

THE INFLUENCE OF WORLD WARS ON THE BEHAVIORAL MODELS OF URAL RESIDENTS: A COMPARATIVE ASPECT

Comparative study of various aspects of the history of Soviet society in the first post-war years is an urgent historiographic problem. The article identifies general and specific manifestations of reference, adaptive, deviant models of behavior of the population of the Ural cities that existed after the end of the First and Second World Wars.

Keywords: World Wars I and II, USSR, Soviet society, regional perspective, behavior models of the population of the Ural cities.

Дважды в истории XX в. в стране и на Урале происходили глубокие социокультурные трансформации, связанные с окончанием Первой и Второй мировых войн. Компаративистское изучение различных аспектов истории советского общества в региональном ракурсе в первые послевоенные годы является актуальной историографической проблемой. Исследование феномена повседневности в эти периоды позволяет выявить общее и особенное как среди эталонных форм поведенческих практик, так и адаптационных и девиантных стратегий, определить структуры повседневности, оказавшиеся более устойчивыми и стабильными, выявить специфику «бытования» повседневности, обратиться к темам социальной цикличности и вариативности, переходности, множественности социальных и культурных практик.

¹ *Трофимов Андрей Владимирович* – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия. E-mail: 2519612@rambler.ru

² Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00216А «Визуальные стандарты образа жизни советского городского населения после мировых войн: компаративный анализ» (рук. А.В. Трофимов).

Великая Российская революция, выросшая из Первой мировой войны, вовлекла огромные человеческие массы как в процесс «строительства нового мира», так и означала экзистенциальный выбор для каждого человека, способствующий или препятствующий выживанию и адаптации в новом советском социуме. Будни, проживаемые в режиме послевоенной постреволюционной трансформации, были наполнены для жителей уральских городов постоянными вызовами, борьбой за выживание, неоднозначным отношением к экономическим мероприятиям новой власти, порождали как высокий эмоциональный накал общественных настроений, надежды на скорое наступление «царства справедливости», так и глубокое разочарование, ожидание скорейшего провала социалистического эксперимента.

В условиях действия депривационных факторов, маргинализации, роста социальной напряженности, перманентных трудностей с обеспечением городов продовольствием расширялся ареал девиантных поведенческих стратегий, сложилась сложная криминогенная ситуация. В условиях, когда обращение за помощью во властные структуры не оправдывало ожиданий, такие явления, как грабежи, убийства на почве голода, попрошайничество, употребление суррогатов, спекуляция, самогонварение, вымогательство, взяточничество, фальсификация продуктов (например выпекаемого хлеба) и пр., становились неотъемлемой частью городского ландшафта, повседневной жизни населения Урала.

Особенно катастрофичной была ситуация с детьми. Оставшиеся без попечения умерших или бежавших в другие районы страны родителей, они попадали в приюты и детские дома, но и там испытывали трудности с продовольственным обеспечением. Так, в письме Пермского губернского женского отдела в Рыбинский губернский женский отдел с просьбой о помощи голодающим детям Пермской губернии в марте 1922 г. сообщалось: «У нас в губернии [Пермская] 184 000 голодающих детей, находится в детдомах около 12000, на которых отпускается всего 5000 с небольшим пайков... Питаются суррогатами, отбросами, собаками, кошками и т.д.»³.

Тяжелым оставалось положение и других категорий населения. Опубликованные документы свидетельствуют о бедственной ситуации различных категорий населения (работников образования, юри-

³ Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.): сборник документов и материалов / отв. ред. А. В. Трофимов ; [кол. авт. : Е.А. Игишева, М.А. Клинова, С.М. Морий, А.В. Трофимов] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. гос. экон. ун-т. Екатеринбург : [Изд-во Урал. гос. экон. ун-та], 2015. С. 56.

стов и пр.), даже продработники, собирающие продналог, и их семьи недоедали. Налоговый инспектор Пермского уезда признавался в письме к ответственным советским работникам: «...Я сам лично за себя не ручаюсь, если в одно прекрасное время против воли и совести ради своих голодающих детей сделаю преступление по должности... Голодный продработник прежде всего будет искать себе кусок хлеба и вся продналоговая работа может быть сорвана»⁴.

Подобная ситуация не исключала, а, напротив, предполагала коррупционное поведение. Секретарь Пермского губкома РКП(б) и заведующий Пермским губернским отделом юстиции в докладной записке для ЦК ВКП(б) фиксировали летом 1922 г.: «...Не получая пайка с февраля, жалованья с апреля, не имея ни копейки на разъезды, судебный работник юстиции влачит самое жалкое существование... он, пользуясь своим служебным положением, добывает хлеб нечестными путями, сплошь и рядом попадая в зависимость к местной буржуазии, зажиточному кулаку, не исключая для себя возможности брать...»⁵.

При этом экономическая политика власти в 1920-е гг. не теряла своих классовых, идеологических ориентиров. Продолжалась конфискация недвижимого имущества граждан: домов, мельниц, мастерских и т.п., власти сопротивлялись демуниципализации строений, проводя ее только в крайних случаях, не приветствовалось вступление в жилищные кооперативы зажиточных категорий населения, выписывались высокие штрафы за обучение детей Закону Божьему и т.д. Советское уголовное законодательство первой половины 1920-х гг. базировалось на понимании природы преступности, порождаемой социально-экономическими условиями, такими как бедность, нищета, неграмотность большей части населения. Следовательно, изменение базиса общества с капиталистического на социалистический должно было стать основой для уничтожения преступности, но в реальности преступность лишь мимикрировала в новых условиях, а уголовный мир приобрел черты большей организованности.

С середины 1920-х гг. уголовник-профессионал стал рассматриваться властью как враг, мешающий построению социализма, и в борьбе с преступностью акцент сместился от исправительных мер к карательным⁶. Сокращению ареала применения криминогенных практик в уральских городах в середине – второй половине 1920-е гг.

⁴ Там же. С. 57

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Колемасов В.Н. Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917—1934 гг.) // Lex Russica. 2016. № 7. С. 89.

способствовало наряду со стабилизацией социально-экономической ситуации в регионе использование механизма внесудебных репрессий силовыми структурами.

Годы, воспринимающиеся рядом историков как расцвет нэпа, не во всех свидетельствах тех лет получили столь однозначное отражение. Проблема продовольственного снабжения городского населения Урала так и не была окончательно решена. Так, документы 1926 г. содержат сведения о дефиците хлеба, повышении цен, стоянии за ним в очередях, поездках из города за мукой, вследствие чего участились опоздания и прогулы. В городах активно распространялись слухи о наступающем голоде (как в 1921 г.), о том, что советская власть отправляет хлеб за границу, заставляя голодать рабочих. Рабочие отказывались поддерживать кооперацию, хотели вернуть свои паи, поскольку кооперация не компенсировала отсутствие хлеба, а только требовала дополнительных взносов. Недовольство потребительской кооперацией доходило до попыток избиения отдельных кооперативных работников⁷. При этом частная торговля на Урале занимала скромную долю в товарообороте, тогда как включенность рабочих в сельскохозяйственное производство, стремление к самообеспечению являлись устойчивой стратегией поведения⁸.

Среди молодых людей в 1920-е гг. исследователи выделяют два основных типа: а) активный, свободолюбивый, жизнеутверждающий (большинство); б) пассивный, покорный, конформистский (меньшинство). При этом классовая принадлежность не всегда напрямую коррелировалась с формированием советской идентичности. Сложные условия жизни, проблемы с обеспечением продовольствием, неудобства коммунального быта не только «выковывали» поколение убежденных коммунаров-коллективистов, но и для части рабочей и крестьянской молодежи становились стимулом к преодолению существующего положения, использования достигательных стратегий поведения. Жизнь в условиях бедности сочеталась с мечтами о прекрасной жизни, стремлением молодежи побыстрее «выбиться в люди», разорвать «круг» удручающей повседневности, покинуть родительский дом и попасть в город, к достатку и карьере, новым горизонтам⁹.

⁷ Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.). С. 70–71.

⁸ *Кишин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С.565.

⁹ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С.531–533.

Проявления девиантного поведения населения в годы нэпа были связаны, с одной стороны, с определенной свободой, нередко переходящей во вседозволенность, а с другой – с необходимостью выживать в этих непростых переходных условиях. Жители уральских городов не понаслышке знали о грабежах продовольствия, росте проституции и ее связи с ростом женской безработицы, хулиганстве, бандитизме, пьянстве, массовых прогулах, невыполнении производственных заданий, хулиганах, которые нередко терроризировали население рабочих поселков вплоть до невыхода работников на ночные смены.

Окончание Второй мировой войны население Урала встретило в условиях апогея мобилизационной системы и действия депривационных факторов, что способствовало как высокой степени реализации эталонных (патриотических) моделей поведения, так и расширению пространства для использования адаптационных и девиантных экономических стратегий и социальных практик.

Мобилизационная экономическая модель, действовавшая в военный период и сохранившаяся в послевоенные годы, представляла собой систему административно-правового и политико-экономического регулирования деятельности стратегий населения. Основной целью реализуемого властью социально-экономического регулирования являлись восстановление и интенсификация производства, которые достигались в условиях ограниченного объема экономических ресурсов. Стимуляция трудовой активности горожан (более выраженная в промышленной сфере) осуществлялась различными методами: посредством мобилизационной риторики, административного принуждения, морального и материального стимулирования работников (дифференцированного в отношении различных социальных групп), усиления законодательных санкций в отношении девиантных экономических практик граждан, создания организаций и ведомств, регулирующих трудовые миграции населения и пр. В русле данной экономической модели население являлось не столько объектом направленной социальной политики, сколько ресурсом для реализации экономической политики государством¹⁰.

Спецификой Уральского региона являлось наличие в городах большого количества предприятий оборонно-промышленного комплекса. Значительная часть городского населения Урала была тесно связана с производственными технологиями, требовавшими компетентности, высокой производительности, соблюдения дисциплины труда.

¹⁰ Клинова М.А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2019. С. 370-371.

«Правильные» модели трудового поведения на оборонных предприятиях достигались как строгим контролем за процессом производства, так и материальным стимулированием и социальными льготами.

Так, в ходе создания во второй половине 1940-х гг. на Урале закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО), на которых создавался «ракетно-ядерный щит», использовался различный инструментарий: существенные материальные и моральные стимулы для рабочих, специалистов и членов их семей (комфортные для послевоенного времени условия жизни, подчеркивание высокой значимости их труда для безопасности страны и всего мира) и одновременно тяжелые условия, в которых находился спецконтингент (заключенные), принимавшие участие в строительстве атомных объектов.

В официальном дискурсе констатация социально-экономических проблем послевоенного времени сводилась к признанию наличия «отдельных трудностей» и недостатков, «пережитков капитализма» в сознании людей, необходимости преодоления урона, нанесенного войной. Типичные для значительной части населения архетипы патерналистского сознания использовались в пропагандистской риторике: понятия «забота», «организация работы», «опыт работы» (с правонарушителями, сиротами, женщинами, инвалидами), «государственный контроль», «народный контроль».

В практической плоскости партийные, советские органы, общественные организации стремились реализовать формализованными управленческими механизмами «заботу» и «контроль», что, в свою очередь, не всегда воспринималось жителями городов как действенная «забота» и в значительной мере определяло тематику, содержание, стилистику «обратной связи» на уровне критических обращений граждан в органы власти. Вместе с тем в повседневной жизни горожан на Урале в послевоенный период происходили позитивные перемены: государством оказывалась материальная помощь жертвам войны (инвалидам, вдовам, сиротам); восстанавливалась система всеобщего начального образования, было введено всеобщее семилетнее образование; снижались цены на товары широкого потребления при некотором повышении зарплаты рабочих и служащих; вновь появились отпуска для работников; произошел переход на восьмичасовой рабочий день; в ряде отраслей промышленности была отменена судебная ответственность за самовольный уход с предприятия, прогулы и опоздания.

Возвращение к мирной жизни демобилизованных воинов, их трудоустройство стало важным явлением второй половины 1940-х гг. Наряду с системой учета и трудоустройства бывших фронтовиков на

предприятия промышленности было организовано их снабжение продуктами питания, одеждой и т.п., оказывалась помощь семьям фронтовиков, при этом семьи, члены которых оказались в плену или считались пропавшими без вести, не получали социальной поддержки.

Основная масса населения Урала после Великой Отечественной войны, в том числе городского, находилась в сложных условиях, удовлетворение базовых потребностей осложнялось нехваткой ресурсов и прагматическим признанием со стороны государства неодинаковой степени полезности труда у разных страт населения, официально признавалось, что только «рост и совершенствование производства» может быть основой для «удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей». Несмотря на некоторый рост заработной платы в послевоенные годы, в условиях сильного дефицита стоимость жизни оказывалась выше платежеспособного спроса, а уровень жизни населения, хотя и рос, но оставался достаточно скромным. Так, по экспертным данным, через десять лет после окончания Великой Отечественной войны нормы фактического питания в стране были ниже научных норм по всем продуктам, кроме хлебных продуктов и картофеля¹¹.

Экономическое сознание и модели поведения городского населения на Урале определялись, наряду с официальными пропагандистскими установками, послевоенными жизненными реалиями. Пространство стратегий повседневной жизни ограничивалось государственными механизмами контроля над сферой частной жизни (коммуналки и покомнатный принцип расселения, запрет аборт, нелегитимность фактических браков и т.д.). Для определенной части горожан выход из бедности и нищеты виделся в обращении к властям с просьбами о помощи по различным вопросам: трудоустройства демобилизованных военных, положения инвалидов войны, многодетных семей, женщин-матерей и детей, пенсионеров, выплат пособий, пенсий, оплаты труда и т.д.¹² Протестный потенциал, вызываемый недовольством тяжелыми условиями повседневной жизни в послевоенные годы, канализировался в «антисоветскую» агитацию: слухи, критика всех уровней власти по различным поводам (продовольственные трудности, денежная реформа, низкая заработная плата).

Во второй половине 1940-х гг. одной из наиболее существенных проблем было продовольственное обеспечение, постоянные пере-

¹¹ Советская жизнь. 1945-1953 гг. М.: РОССПЭН, 2003. С. 134.

¹² Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.). С. 144-174.

бои в торговле хлебом, крупами, молочными продуктами, мясом и овощами, спичками, солью, керосином и пр. Горожане вынуждены были, наряду с основной работой на промышленных предприятиях, часть своего времени тратить на самообеспечение продовольствием, используя возможности созданных в годы войны подсобных хозяйств промышленных предприятий и личных подсобных хозяйств граждан. Для части городского населения продовольственные трудности открывали возможности для создания нелегальных каналов снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Осуждаемые властью и общественным мнением, эти проявления (воровство, спекуляция, нажива) вместе с тем являлись для предприимчивых граждан попыткой расширить диапазон официально разрешенных экономических стратегий поведения и в определенной мере являлись инструментом преодоления продовольственного и товарного дефицита.

В данном контексте обратим внимание на то, что в послевоенные годы для многих горожан определяющее значение имел не только и не столько размер заработной платы, сколько наличие возможности легального приобретения необходимых товаров. Расширение в послевоенные годы социального пространства существования низовой коррупции, приемлемость в городском социуме «блата», неформального обмена услугами позволяла смягчать тяготы и жесткость «официальной» экономики. Правоохранительные органы стремились контролировать «черный рынок», поэтому продуктовая коррупция была более значимой, чем денежная. Продукты питания становились «твердой валютой», их обменивали на присвоенное государственное имущество, при этом украденная казенная собственность использовалась чаще для решения повседневных бытовых проблем, а не для престижного, демонстративного потребления. Среди должностных преступлений послевоенного времени превалировало «самоснабжение» – использование различными руководящими работниками материальных фондов предприятий и учреждений в личных целях. Помимо экономического ущерба, эти коррупционные действия ухудшали морально-психологический климат в трудовых коллективах, снижали производственную активность, способствовали развитию иждивенческих настроений, сужали пространство эталонных стратегий и расширяли ареал распространения адаптационных и девиантных моделей поведения.

Таким образом, следует отметить определенные общие векторы воздействия на модели поведения населения уральских городов, возникавшие после окончания мировых войн. Снижение уровня и качества жизни, расширение пространства маргинальных практик

актуализировали значение стратегий выживания, быстрой адаптации к возможностям мирной жизни, снижения востребованности эталонных практик. Военный опыт (фронтовой или тыловой), крестьянское происхождение и приобретенные навыки жизни в городах накануне и во время войн играли важную роль в 1920-е и в 1940-е гг. для выработки стратегий оптимального экономического поведения. Для второй половины 1940-х гг. характерен более широкий диапазон обращения граждан к инструментарию воздействия на органы местной, региональной и центральной власти, в том числе с использованием критики визуальных образов и их отличия от минимально приемлемых стандартов городского образа жизни (очереди, плохое состояние дорог, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и т.п.).

Библиография

1. *Килин А.П.* Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 606 с.
2. *Клинова М.А.* Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2019. 428 с.
3. *Колемасов В.Н.* Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917–1934 гг.) // *Lex Russica*. 2016. № 7. С. 85-92.
4. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.